

Нереальные истории
реальных людей

РАССКАЗЫ

Velen Velen

Нереальные истории Реальных людей

<https://litres.ru/73876403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов из психологической практики VelEn. Уникальный метод работы с клиентами, теперь открывает возможности перед читателями проработать свои запросы, просто читая и погружаясь в атмосферу пространства создаваемого VelEn. Каждый случай реален и уникален.

Содержание

Глава	4
Аллергия на мужчин	5
Люди — вещи	20
Похороны мечты	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Нереальные истории Реальных людей

Глава

Аллергия на мужчин

— Доброго дня, моя дорогая Велен, — поздоровалась элегантная, красивая женщина, заходя в кабинет психолога. — У тебя, как всегда, сказочно и невероятно! Обожаю и каждый раз с нетерпением жду следующей встречи с тобой, — с некоторым волнением в голосе произнесла она. — Ну почему я не могу к тебе чаще ходить? Я бы у тебя тут жила, — добавив, засмеялась она.

— Доброго дня, моя милая Ирэн, — тоже по-доброму расмеялась Велен. — Поэтому и не принимаю людей чаще, чем им нужно, чтобы не надумали тут жить. Тебе надо учиться жить своей жизнью и создавать свои миры самостоятельно, — добавила Великая Эн.

— Согласна с тобой, конечно, — неловко улыбнулась Ирэн. — Только вот не получается, ну ты знаешь. Я тут недавно поняла, что у меня аллергия на мужчин, — пожаловалась на новую напасть Ирэн. — Нет, конечно, женщин вместо мужчин я любить от этого не стала, я так же гетеро. Но, знаешь, у меня в прямом смысле началась жуткая телесная реакция, когда я оказываюсь рядом с мужчиной, неважно, нравится он мне или нет. Я начинаю нервно чесаться, — она стала тут же чесать руку. — Вот сейчас о них говорю — и начинается, видишь?

— Вижу, — ответила Велен. — А ты видишь?

— Что? — Как только Ирэн задала этот вопрос, она очутилась в невообразимом мире перетекающих энергий. — Как же тут все ярко! Где мы? — спросила она у Велен.

— Не мы, а ты, — слышался ей голос где-то вдалеке. — Это твоя аллергия, знакомься, пожалуйста.

— Так, хорошо... — проговорила Ирэн вслух, не особо понимая, что вообще происходит. — Раз Велен сказала, что ты моя аллергия и надо знакомиться, значит, так и есть. Привет, я Ирэн, — попыталась она начать взаимодействовать с чем-то или кем-то, чего не видела и не понимала.

Единственное, что она сейчас точно знала, так это то, что все ее тело просто раздражает зуд изнутри. Но прошла пара мгновений, и все ее ощущения оказались снаружи. Когда она попыталась почесать кожу в местах сильного раздражения, то вдруг осознала, что тела не существует. Нет ни кожи, ни ее самой. Она стала сама той энергией, что ее окружала.

Ирэн попыталась закричать, от этого только энергии стало больше и вокруг все засияло еще ярче. Ей показалось на мгновение, что от яркого света она закрыла глаза, но потом вспомнила, что их у нее тоже нет. Состояние паники она бы тоже отследила, если бы имелось чем паниковать. Но не тут-то было. Все перестало быть важным.

Ее не было. Не то что бы мир исчез от того, что ее больше нет. Просто для нее это перестало быть таким важным, да и вообще перестало быть.

— Что же осталось? — пронесся вопрос, как будто по цепочке, по каждой из искр, что ее окружали или были ею, и вернулся будто снова к ней же, но уже преисполненной еще чьей-то энергией и каким-то совсем невероятным смыслом.

— Я такого никогда раньше не знала и не чувствовала, — отметила она свое новое ощущение и незнакомое еще мгновение назад состояние.

— Интересно, а я дополнила чье-то состояние своим? — неожиданно игривое настроение отследила у себя Ирэн и постаралась снова подать в пространство какой-нибудь импульс. Это получилось. — Невероятно, я и не знала, что так могу!

— Итак, меня нет, — стала рассуждать Ирэн. — Но я могу все же мыслить, наблюдать и даже взаимодействовать.

— Я ощущаю, чувствую, — продолжала она говорить сама с собой. — Так чем же это отличается от того состояния, в котором я есть, когда я существую?

— Ничем, — тут же пришел ответ. И, если бы она существовала как человек, она совершенно точно повернула бы голову в ту сторону, откуда почувствовала импульс, и спросила бы, кто это сказал, или подумал, или сделал. Но как человека Ирэн не было.

— Ладно, — согласилась она со своим положением и состоянием совершенно спокойно, чем сама себя удивила. — Значит так, в общем-то, и все равно. Что дальше? — чувствуя себя в безопасности и купаясь в энергетической уми-

ротворенности, задалась вопросом Ирэн. — Вернуться назад?

— Нет, не хочу, — ответила она снова сама себе на свой же вопрос, посчитав его беспредельно глупым. — Тут так хорошо, буду так. Никаких проблем, встреч, нервов, — она пыталась вспомнить все, что ее так сильно раздражало и тревожило в жизни, когда она была в теле человека. — Одни сплошные стрессы, вечно я во всем там виновата и всем должна. Нет уж, увольте, я тут как-нибудь, — она как будто вздохнула с облегчением от того, что приняла наконец-то самое важное и легкое решение. — Тут ничего от меня никому не нужно, как и мне.

Движение, небольшое, но все же было в энергетическом поле. Она с удовольствием за ним наблюдала. Ей нравилось, что происходило с ней: она то опустошалась, то наполнялась.

Приятные ощущения от этого полноценного, как ей казалось, и осмысленного существования не покидали ее, пока она не заметила одну закономерность. Ей становилось не по себе от того, что часть ее постоянно отделялась, и на ее место приходила совершенно иная. Она сама становилась другой и постепенно стала забывать, какая она была.

Ирэн никогда раньше не цеплялась за свою, как ей всегда казалось, неполноценную личность, некрасивое тело, за свою обычную жизнь. Но сейчас, теряя себя, она вдруг стала испытывать страх. Она вдруг осознала, что новая энергия ее никогда не наполняет, а лишь заменяет ту, которой она была

вечно недовольна.

— Ну что ж, вот еще немного, и от той Ирэн, что вечно меня не устраивала, не останется и следа, — промелькнула мысль, от которой сильно захотелось плакать. Ей стало так больно, что внутри что-то загорелось.

— Если бы я могла, то обязательно поплакала бы, но я энергия, а это прерогатива тела — проявлять эмоции, — она мыслила, она еще существовала. — Вот сейчас сознание покинет меня с последней моей частицей, и я стану ничем, везде, частью всего, но потеряю себя, возможность говорить с собой, любить и не любить себя. Не будет больше Ирэн, не будет больше даже той, которая мне хоть и никогда не нравилась, но все же заслуживала любви, — внутри все пылало, и до взрыва оставалось недолго. — Прости меня, мне очень жаль, я люблю тебя, Ирэн, я благодарю тебя за то, что мы были вместе.

— Почему же все-таки так вышло? — задалась она вопросом, отпустив и потеряв все. — Неужели нельзя было по-другому? Неужели я не могла не отдавать себя до конца и не растворяться в других так, чтобы каждый раз не терять саму себя? — она продолжала думать, испытывая благодарность даже за это. — Это ведь так много раз повторялось!

— И что? — возмутилась она осознанию, которое только сейчас ее посетило, когда уже было совсем поздно. — Каждый раз с самого начала собирать себя по крупинкам, чтобы потом снова вот так? Я что, сумасшедшая, что ли? — злости

ее не было предела, она чувствовала, что взрыв неминуем, но она не хотела умирать, не хотела проживать это снова и снова. — Я хочу жить, преумножать, создавать, творить, сохранять, а сама только и делаю, что растрчиваю себя, раздаю и умираю!

— Я всегда думала, что отношения наполняют, но, похоже, в моем случае они всегда только и делали, что меняли меня, вернее, заменяли на какую-то другую Ирэн, — поток мыслей не прекращался. — Неудивительно, что мое тело начинает чесаться, как только я стремлюсь снова это с собой сделать.

Она понимала себя, она кричала, и, если бы у нее было лицо, она бы чувствовала, что в этот момент широко улыбается.

— Это злость на себя, это страх, я себя боюсь! Боюсь, что снова себя растрчу, раздам по частям, по кусочку, сама не замечая, — она продолжала. — Я просто в ярости от злости! Что же я делаю-то?!

Крик, что раздирал ее изнутри, становился каким-то другим, и она наблюдала за этим.

— Больше не больно, видимо, все закончилось, но я мыслю, а значит, я существую.

Ирэн открыла глаза. Она смотрела на себя в зеркало, сидя в ненавистой ей комнате, посреди раскиданных вещей, что ей не подходили. Все говорило вокруг о том, что этой жиз-

нюю она недовольна, как, собственно, и собой. И сколько бы ей это ни стоило, оно никогда не станет тем самым, пока она все не заменит.

— Выкинуть все к чертям, переехать, заменить, — пронеслась мысль.

— Но тогда это уже буду не я, не моя жизнь, — попыталась Ирэн остановить, прекратить этот нескончаемый процесс самоубийства. — Будет другая Ирэн, а не я.

— А что здесь я? — Она оглянулась вокруг, и ответ тут же пришел к ней как осознание: — Ничего, это все меня не определяет.

— Может, моя внешность — это я? — Она вновь посмотрела на свое отражение. — Нет, иначе я просто уродина.

— Но я не уродина, — продолжила она рассуждать вслух, а когда услышала свой голос, испугалась. — Это я вообще о себе говорю?

— Я реально сошла с ума. Что же я делаю со своей жизнью? — она расплакалась, разрыдалась в голос, но, кроме опустошения, ничего не испытала, когда успокоилась. — Ну вот, снова пустая. Что дальше?

— Снова наполняться всем подряд, без разбора, заполнять пустоту никчемным общением, — отвечала она сама себе. — Не потому, что люди вокруг не те, а потому, что я не та. Я вновь заменю все свое чужим и буду умирать, сидя у зеркала!

Она разозлилась и, встав со стула, подошла к вещам, рас-

киданным на кровати, которые накануне мерила.

— Что это вообще за тряпье? Я их даже не выбирала. Это вообще мне никогда не нравилось. Я его купила, потому что Денис сказал, что мне очень идет. — Она выбросила черное платье на пол. — Чушь! Оно отвратительно, как и я в нем. И это мне никогда не шло. Зачем я взяла эту блузку? — Она немного подумала. — Зачем я это храню и каждый раз пытаюсь куда-нибудь надеть?

Она присела на пол, зажав вещи в руках, и начала плакать, как маленький ребенок, чувствуя, что поступала так не только с этими, никогда не нужными ей вещами, а в целом со всей своей жизнью, которая для многих людей вокруг казалась идеальной.

Ирэн верила, что живет хорошей, полноценной жизнью, в которой у нее все есть и времени впереди еще предостаточно, ведь ей всего сорок. Детей она никогда и не хотела, ну а на тот случай, если захочет, она давным-давно заморозила яйцеклетки.

И все вроде бы нормально. Работа, на которой особо работать-то и не надо было. Зарплата, которой на все хватало и, по меркам ее друзей, прекрасное соотношение затрачиваемой энергии и денег за нее. Своя квартира, перешедшая по наследству от бабушки, как и мебель, что стояла в ней еще при ее жизни.

— Похоже, что мне досталась по наследству не квартира, а жизнь, — Ирэн задумалась. — И правда, бабушка прожи-

ла долгую и, как всем казалось, счастливую жизнь, но одинокую.

— Чем же я отличаюсь от нее? — почувствовав запах старости, произнесла она. — Ношу то, что советуют другие, живу в том, что мне дали, делаю то, что мне не сложно, чтобы не уставать.

— О, знаю, чем! — она злобно улыбнулась. — Она не знала, что может выбирать. У нее не было вокруг таких людей, которые жили жизнью ее мечты, или она их просто не видела. У нее не было возможности даже просто взглянуть на мир, в котором все может быть по-другому. А когда эти возможности появлялись, у нее уже, видимо, не было ни сил, ни желания что-то менять. — Думая об этом, Ирэн потрогала пол, на котором сидела. — Возможно, когда-то ты, бабушка, так же, как и я сейчас, сидела именно здесь, на этом месте и рыдала от безысходности и одиночества.

— Но ведь я могу, — она подняла взгляд вверх в попытке остановить поток нескончаемых слез, что текли все это время из ее глаз. — Я всегда могла, и все у меня для этого всегда было, так в чем же дело? Почему я сижу и продолжаю рыдать? — Внутри все замерло в ожидании чего-то, но чего именно, она не знала. — Почему я позволяю жизни идти вперед без меня? Почему я вообще здесь? — Повинуясь внутреннему порыву, она встала. — Что я тут делаю и чего я тут жду?

— Я не хочу тут быть! — Она взяла пальто с вешалки,

сумку, надела туфли и направилась на улицу, даже не закрыв на ключ квартиру. — Я не хочу так жить! Я знаю точно, чего не хочу. Теперь пора понять, чего я все это время хотела и попробовать уже наконец-то жить своей жизнью! — Ее тело летело, душа порхала, она неслась вперед в неизвестность, не понимая, что делает, просто чувствуя, что все верно.

Ирэн не заметила, как оказалась в холле самой дорогой гостиницы города и уже оплачивала номер своей мечты, не глядя на сумму, которая была на ее счету. Каждый день, проезжая мимо по пути на работу, она любовалась им, думая о том, что когда-нибудь она обязательно в нем побывает.

Она набрала полную ванну воды и провела в ней столько времени, сколько ей хотелось, позволив себе то, что никогда не позволяла до этого.

Приведя себя в порядок и насладившись в полной мере временем, проведенным с собой, она уже находилась в том магазине, о котором так долго мечтала. Она пришла за тем самым платьем, которым любовалась накануне, представляя, как бы красиво выглядела в нем.

Она осознала, что это не сон, только проходя мимо какой-то витрины, увидев очень четко себя в отражении:

— Какая счастливая и красивая женщина! Неужели это я? Не заменила ли я себя истинную вещами, которые мне не по карману, и номером в отеле, который я не могу себе позволить?

На некоторое время тьма поселилась в ее душе, и лицо ее

стало серым в отражении. Внутри все сжалось от страха.

— Нет, это я, а то, что отравляет мою душу и делает мое настроение скверным — не мое. Сейчас, сегодня все это у меня есть, и я счастлива. Это точно я, — решила она, и все внутри снова запело, и на лице Ирэн снова засияла улыбка. — Я не вернусь в ту квартиру, я больше не надену ту одежду, я больше не буду есть ту отвратительную еду, в том настроении, которое создается среди всего этого дерьма, — все внутри трепетало в предвкушении дальнейших решений.

— Девушка, можно с вами познакомиться? — обратился к ней молодой человек, перебив поток нескончаемых мыслей, переходящих в принятие самых важных в ее жизни решений. — Мы стоим напротив прекрасного ресторана, который мне посоветовали, и я был бы счастлив, если бы вы согласились поужинать со мной. Вы составите мне компанию? — Он учтиво улыбнулся и представился: — Я Шон.

Повисла пауза, она не торопилась отвечать. Он не был похож на тех, с кем она раньше встречалась. Высокий, красивый. Раньше он бы ее испугал своим предложением, но сегодня она приняла столько смелых решений, что не видела никаких причин останавливаться.

— Аллергия! У меня же аллергия на мужчин! Как я могла забыть! — вспомнила она. — Как же быть с ней?

— Я ничего не чувствую, никакого дискомфорта. — Она вновь взглянула в его глаза и поняла, что он ждет, не торопит ее. — Я изменила в себе то, что мне не нравилось, поэтому

ему менять во мне будет нечего. Если я пожелаю, то сама в себе это изменю. — После этой мысли она улыбнулась. — Я могу не бояться, что растворюсь в ком-то без остатка или все отдам. Я сама все решаю.

— Ирэн, — наконец-то ответила она. — С удовольствием. Честно говоря, я сильно проголодалась, у меня сегодня такой невероятный день.

— Прекрасно, я люблю, когда у девушки хороший аппетит, — признался Шон. — Потому что сам люблю вкусно поесть. Прошу, — он пропустил ее вперед, когда им открыли дверь в шикарный ресторан, в котором она когда-то хотела побывать. — Я счастлив, что встретил вас.

— Я тоже счастлива, что наконец-то повстречалась с тобой, — рассмеялась она.

— Это интересно, расскажите мне, пожалуйста, — попросил ее Шон.

И она рассказала все, что с ней случилось за этот день, в какой-то момент вспомнив, что даже не закрыла дверь, когда уходила. Она ничего не скрывала. Шон ей очень понравился, но она не боялась его спугнуть или потерять, она точно знала, что уже никогда не останется одна, пустая. Теперь у нее есть та самая Ирэн, которая точно знает, чего хочет.

За этим ужином она написала начальству, что увольняется и не намерена отрабатывать ни одного дня своей жизни там, где ей не место. Она была так счастлива от легкости, от свободы, которую раньше никогда еще не испытывала. Удо-

вольствие, которое она получала от вина и прекрасной вкусной еды, опьяняло наслаждением, которое она откладывала всю свою сознательную жизнь, предпочитая лишь наблюдать за ней как за чем-то недостижимым, реальным для кого-то другого, но не для нее.

После великолепного ужина — прогулка и мечты о будущем, о настоящем, о профессии, о встречах и путешествиях. И она уже не знала, как жила до этого без этих вот мыслей и ощущений. Чувство радости и счастья переполняли ее, но она все же оставалась собой.

И вот она знает, что она самая красивая в этом мире. Первый поцелуй и никакого страха внутри. Тишина.

— Чаю? — голос Велен вернул Ирэн в реальность, где она была на приеме психолога. — Налить?

— Да, пожалуйста, — мягко, с улыбкой произнесла она. — Так хорошо и спокойно. Это ощущение, оно теперь будет жить во мне?

— Это все только ты, — сказала Велен. — Теперь ты готова начать жить свою собственную невероятную жизнь?

— Да, — ответила Ирэн, — я готова.

— Счастливого тебе пути! — сказала Велен.

Ирэн сделала глоток вкусного чая и, поблагодарив Велен за чудо, что с ней приключилось, тут же удалилась. У нее не было времени думать, рассуждать и взвешивать все за и против. Все внутри пылало желанием жить и действовать. Все уже случилось. Ей оставалось только это прожить и получить

огромное удовольствие от всего происходящего.

В квартиру она больше никогда не возвращалась, а тут же направилась в тот самый отель. Встретила своего мужчину и уволилась в тот же день с работы.

Все произошло так быстро и невероятно легко, что она даже не успела удивиться тому, как удачно все сложилось. Они с Шоном сразу же стали жить вместе. Ирэн закончила курс «Дизайн интерьера» и стала создавать то, к чему у нее всегда лежала душа.

У них родились прекрасные малыши, которым они стали самыми любящими родителями. Шон построил дом их мечты, где Ирэн воплотила все свои гениальные идеи в жизнь. Она не забывала про себя и очень много времени уделяла своему развитию, их отношениям и детям.

Аллергия к ней иногда возвращалась, но лишь как знак, что она делает что-то не так, что идет не туда и начинает предавать свои истинные желания. Теперь Ирэн с благодарностью принимала эту подсказку. Когда силы покидали ее и казалось, что она уже не справится, она вспоминала, как была энергией, которую постоянно заменяли, и ощущала, что вот-вот исчезнет, если не даст себе шанс быть собой. Тогда она останавливалась, выдыхала и направлялась баловать себя и своих любимых, осуществляя свои и их мечты, прямо сейчас, а не потом.

— Нет ничего и никого, кроме нас самих и того, что является для нас важным, — сказала бы вам Велен, если бы вы вместе с ней пили чай. — Итак, если мы сами определяем свой мир, так пусть он состоит из свершения самого прекрасного, чем мы хотим себя баловать, здесь и сейчас.

Люди — вещи

— Не пойму, как так выходит, но все мои отношения похожи на сделки, а не на любовь. Не знаю, как объяснить, — подбирая слова, говорила Клен. — Я все время торгуюсь: «ты мне, а я тебе». Мне это абсолютно не нравится, все это вообще не про любовь, которую я себе представляю. А как прекратить эти рыночные отношения с людьми и миром в целом, представления не имею. Как будто я ввязалась когда-то в чью-то игру и никак не могу из нее выбраться.

Мелкая дрожь пробежала по ее телу, как дождь, который начал моросить. Девушка продолжила:

— И в какой-то момент меня убедили либо те, кто был рядом, либо обстоятельства, либо я сама, что для меня люди стали как вещи. Мне кажется, все вокруг продается и покупается, во всем можно сторговаться. — Клен развела руками. — Но я не хочу быть такой, не хочу жить в таком мире. — Она обратилась к Велен: — Вы можете мне помочь?

— Что ж, Клен, прекрасный запрос, это будет интересно, — улыбнулась Велен, внимательно выслушав девушку. — Давай найдем твою изначальную выгоду, из-за которой ты на все это решилась, а там уж ты сама определишь, нужно тебе это или нет, хорошо?

Клен только и успела кивнуть, как вдруг ею завладело со-

стояние хаоса, паника охватила ее, но вдруг резко наступила тишина внутри и снаружи, и теперь ощущалась только пустота, которую она уже совсем позабыла. Клен не просто ее ощущала, она сама была этой пустотой, существуя без желаний, чувств, как вещь, которую можно купить и продать.

— Сколько стоит вон та сумка? — спросил мужчина, разглядывая что-то, стоявшее на витрине дорогого модного магазина, в самом центре города.

Продавец спокойно назвал стоимость, убедившись в том, что ценник стоит на своем месте и цену четко и явно видно.

— У нас есть скидки постоянным покупателям, — еще раз взглянув на мужчину и поняв, в чем, собственно, дело, добавил он. — Вы у нас зарегистрированы как клиент или ваша жена?

— Нет у меня жены, — пробурчал мужчина. — Да и с такими ценами не будет, по всей видимости.

Клен наблюдала за разворачивающейся картиной и не понимала, откуда она на все это смотрит, пока продавец не взял ее в руки, чтобы показать покупателю.

«Я сумка? — начала постепенно осознать, что происходит, Клен. — С ума сойти! Я сумка, и меня продают, это так странно. У меня есть чувства? — задумалась она. — Я сумка, наделенная сознанием. Разве чувствует сознание, а не тело?» — Эти вопросы ее волновали, но все же она решила подумать об этом позже, а пока понаблюдать за тем, что будет происходить дальше.

— У нас одна осталась такая, — сказал продавец. — Следующий завоз будет еще дороже.

— Да, да, конечно, мне реально повезло, — саркастически прокомментировал мужчина, не выпуская сумку из рук. — Ну вот нафиг она ей нужна, блин.

— Что вы говорите? — переспросил продавец, не расслышав его слов.

— Говорю, беру ее, конечно, — ответил мужчина и тут же отдал сумку продавцу, чтобы тот мог ее упаковать.

«Меня купили», — только и успела подумать Клен, прежде чем оказаться в коробке.

Она чувствовала продавца, который ее упаковывал. Слышала его мысли и даже отчасти разделяла их.

«Как много боли и обиды, — подумала она. — И никакой радости. Ладно, вот меня подарят ей, она обрадуется, совершенно точно. Я бы обрадовалась, — она продолжала рассуждать. — Так приятно получить от любимого человека подарок, который хочешь, а не тот, который, по его мнению, того стоит. Если та, кому она куплена, на нее давно смотрела, проходя мимо витрины, то ей точно понравится этот сюрприз».

А потом наступила тишина, и с Клен долго ничего не происходило, пока она не поняла, что он говорит по телефону с той самой, кому была куплена сумка. Клен постаралась лучше настроиться и сфокусироваться на том, что происходит вокруг, ведь это для нее было жизненно важно как для

сумки, но не могла разобрать слов.

Машина уже давно остановилась, и мужчина вышел из нее сразу же, оставив коробку на сиденье. Клен попыталась придумать, что может случиться теперь, и только когда дверь открылась, на нее потоком обрушилась вся его злость и разочарование.

— Понял, я понял, я тебя понимаю, а вот ты меня нет, — прозвучало в машине, и судя по тому, что никто не говорил, кроме него, он все еще общался по телефону.

Потом еще какое-то время тишина, затем крик. Громкий крик. Душераздирающий.

Клен поняла. Девушка решила закончить отношения с ним. Он кричал. Нет, он не причитал о том, какая плохая эта девушка и как могла с ним так поступить. Он не спорил. Клен чувствовала его. Он не мог. Столько раз это уже происходило. Он посмотрел на коробку, в которой лежала сумка. Она же, в свою очередь, чувствовала его и пыталась понять.

— Кто из нас вещь? — задал он ей вопрос, как будто она могла на него ответить.

И у нее было что сказать. Если бы она могла, она бы совершенно точно что-то сказала, но нет. Она сумка.

— Я, — ответил он сам на свой вопрос. — Тебя она хочет, желает, грезит о тебе, — когда он это сказал, она почувствовала всю его ненависть к самому себе, отчего ей стало как никогда страшно. Это было страшнее, чем просто превратиться в сумку.

«А что может быть страшнее того, чем стать вещью? — подумала она. — Оказаться во власти, в жизни, в судьбе того, кто ненавидит сам себя. Того, кто презирает, кто пытается отомстить всему миру за свою боль, воспользоваться, а потом выкинуть как никому никогда не нужную вещь», — пришел ответ раньше, чем он успел произнести следующую фразу.

— Меня использует как вещь та, кого я так сильно люблю. Выкидывает меня за ненадобностью, когда ей вздумается, ненавидит меня за ту боль, что ей причинили другие. Я реально чувствую себя вещью, — продолжил он. — Я ничего не могу с этим поделать.

И тогда ее озарило. Она только что стала свидетелем того, как люди сами себя делают вещью. В тот момент он обвинял другую в том, что не способен быть кем-то.

«Он чувствует себя использованным, но его никто не использовал, это был его осознанный выбор — обвинять ту, которую, как он считал, любит, в том, что у него что-то не получается».

— Она меня использовала, всегда! — продолжал он. — Я ради нее всегда последнее отдавал, сам не жил, а она!

И вот теперь она та самая сумка, которой некоторое время назад, как он считал, он мог купить расположение любимой, а теперь может и отомстить ей же, разорвав эту сумку на куски или подарив другой. Она читала его мысли, одну за другой, еле разбирая их, пока он снова не начал причитать

вслух.

— Она как будто моя хозяйка, и я в ее власти, — жаловался он. — Она получает все, что хочет, когда ей вздумается. Для нее даже люди — как вещи в магазине, она берет все, что нравится, а платят другие. Она как будто не знает цены всего этого.

Клен следила за тем, что происходит с ним, не из интереса, а из страха. Ведь он мог сделать с ней все что угодно. Он был обижен.

«Я много что могу себе позволить, — подумала она, наблюдая за ним. — И такие люди, как он, мне особенно страшны. Ведь вместо того, чтобы развиваться и становиться лучше, они осознанно выбирают обижаться и злиться на тех, кто может себе позволить желать и иметь», — рассуждала Клен.

Вдруг она почувствовала, как он взял коробку и вышел с ней из машины.

«Не повез возвращать, хотя деньги эти у него последние», — она думала, а страх постепенно стал переходить в соперничество той, кому он ее несет.

— Верни меня в магазин и забери свои деньги, пожалуйста, — просила она.

Но он шел, причем с каждым шагом становился все более уверенным в том, что решил сделать. Только это могла она понять, еле разбирая поток его мыслей.

Она боялась за них, за него. Она переживала за себя и почему-то за продавца, который явно расстроится, если ее

все же вернут. Ведь он был так счастлив ее продать.

Ее мысли переключились на ту самую девушку, которой купили эту сумку.

«Я бы не хотела, чтобы мой любимый человек покупал вот так подарок. Типа: на, держи что тебе надо, и давай ты будешь помнить этот поступок вечно и будешь благодарна мне всегда».

А правда ли то, что он говорит? Ведь он так верит, что его используют, он чувствует себя вещью — но по вине ли девушки или он сам так решил? Потому что покупал он сумку явно не из любви, а из нужды, как будто это был единственный способ купить девушку, как вещь, подарив ей эту сумку, то есть ее.

«Так, я совсем запуталась. Он страдает, потому что чувствует себя вещью, которую используют, и вытряхивают из него последние деньги, чтобы реализовать свои желания? Или он покупает женщину, которая ему так нужна, внушая ей же чувство вины, отчего и она будет чувствовать себя вещью в отношениях с ним?

Знает ли она, что ее покупают, или просто хочет сумку, потому что эта вещь для нее лишь знак внимания?

Возможно, она не знает об этих жертвах и смотрит на сумку, проходя мимо витрины, потому что просто может себе ее позволить, и все?» — Клен перебирала эти вопросы, задавая их самой себе, пытаясь разобраться в происходящем.

— Привет, хорошо выглядишь, — сказал он.

— Привет, ты тоже, — ответила девушка.

«Какой приятный у нее голос, — подумала Клен, — сколько в нем энергии».

— Вот это тебе, я уже купил, — протянул он ей сумку.

— Спасибо, но мне не нужны твои жертвы, — сказала девушка, как будто тоже слышала, о чем он все это время думал. — Сдай, пожалуйста, ее и верни свои деньги, они тебе ведь нужны, особенно сейчас.

— Я не буду ничего возвращать, выкину ее, если не возьмешь, — пробурчал он.

— Хорошо, выкинь, — тут же ответила девушка, ожидая такой реакции.

Коробка полетела в сторону с такой невероятной скоростью, что если бы у сумки был дух, то его бы захватило.

Она летела и перед тем, как врезаться в проезжающую мимо машину, подумала:

«Я бы тоже так сказала».

Она летела в никуда, отравленная чужой злостью и обидой. Летела, чтобы исчезнуть из мира, в котором растворилась, в котором постоянно испытывала вину за то, что желает того, чего он не в силах ей дать.

Клен представила, что зажмурилась, а когда открыла глаза, то поняла, что стала той девушкой, которая стояла напротив того самого мужчины. Ей предстоял честный разговор, который она откладывала столько раз. Она видела его таким, каков он есть, а он видел наконец-то ее.

— Ты мне был важен, это правда, — начала говорить она. — Но в какой-то момент наша с тобой счастливая жизнь прекратилась по причинам, которые от меня не зависели. И той, кем я стала в наших отношениях и в расставаниях, я стала только благодаря себе и своим усилиям.

Я долго пыталась тебя спасти в благодарность за то, что мы встретились в такой ресурсный для тебя момент, и ты мне показал, как можно жить для себя, своим примером. Ты многим со мной поделился в тот момент, когда у тебя все это было. Ты открыл для меня новый мир, где можно доверять себе, где мне безопасно, пока я выбираю себя.

Я ценю время, проведенное вместе, не потому что наши отношения были идеальны, а потому что так, как с тобой, я до этого никогда не жила. Спасибо, это был невероятный и интересный опыт. Я многому рядом с тобой научилась, ты расширил границы возможного для меня, и я сделала все, чтобы стать лучше, богаче, счастливее. — Она взглянула в его небесно-голубые и в этот момент дикие глаза, наполненные адреналином. — Я научилась не пользоваться вещами, а получать от них удовольствие.

Она не могла поверить, что сейчас скажет то, что проговорила внутри уже так много раз, но не решалась произнести вслух.

— Я не люблю тебя больше, мне не нужны твои жертвы и никогда не были нужны, не нужно меня покупать. Я полюбила тебя свободным человеком, который искал качество жиз-

ни, но этого человека, к сожалению, больше нет.

Я долго верила в то, что ты справишься и снова сможешь стать тем самым, который за деньги покупал время и вещи, а не вещи покупали его, — она продолжала. — Но вместо того, чтобы учиться заново жить, когда все потерял, ты стал пытаться купить все вокруг и меня в том числе, при этом обвиняя в том, что делаешь сам, и я тебе чуть не поверила.

Мне это не подходит, я это не выбираю. Наступило время, когда для меня все возможно. Я не хочу той жизни, которую живешь ты, но рядом с тобой это неизбежно. Я не виновата в твоих проблемах и решать их не хочу. Не хочу с тобой быть из чувства вины, которое ты мне внушаешь такими жертвами.

Клен подошла к дороге и подняла коробку, абсолютно целую. Протянула ему и сказала:

— Верни ее. Не нужно ничего доказывать. Сам не превращай чувства и эмоции в вещи.

Все это время он молчал. Нечего ему было сказать в ответ. Она ушла. Было ли ей это легко? Нет. Она взяла свою часть ответственности и оставила ему его часть, впервые в жизни не спасая, не заполняя пустоту.

Он знал, что делать. Как никогда четко понимал, что дальше. Он сдал эту сумку, забрал деньги.

Каким-то странным образом эти деньги испарились через несколько дней, а он так и не решил тот самый вопрос, на который они ему были так нужны. Новый образ жизни, ко-

торый соответствовал его положению, постепенно стал основой. Не нужно было быть кем-то, кем он не являлся, не нужно было никого винить в том, что его используют как вещь. Он перестал это замечать. Все для него наладилось, и люди находились под стать.

Клен выдохнула. Она почувствовала облегчение. «Здесь все прожито и закрыто», — подумала она, и на этих словах вновь оказалась в кабинете у Велен.

— Я не сумка, и к другим так не отношусь, — с улыбкой произнесла она. — Совершенно точно.

— Ты нашла свою выгоду во всем этом? — спросила Велен. — Сделала выводы?

— Нет выгоды, — спокойно ответила Клен. — И не было никогда. Я пыталась помочь вырасти тому, кому нужно было сделать это самостоятельно. — Она немного подумала. — Но это не мой путь, и я могу просто идти дальше своей дорогой, не испытывая чувства вины за то, что кто-то не может. Все это навязанные мне чужие проблемы, которые я не должна решать, только потому что «так надо», — она посмотрела на Велен. — Теперь я точно знаю, что могу быть кем угодно, могу чувствовать то, что сама выберу, и осознавать себя во всем вокруг. Ведь это мой мир.

Есть ли счастливый конец у этой истории? Что было дальше с сумкой?

Сумку купила Клен, как только вновь оказалась в этом магазине. Она и правда ей очень нравилась, очень давно. За-

платив за нее деньгами, а не чувством долга, она ощутила себя легко и свободно. С продавцом они подружились и стали часто общаться.

Через некоторое время она узнала, что он хозяин магазина и оказался в тот день в зале совершенно случайно, решив зайти и посмотреть, что есть на прилавках. А когда Клен приняла его за продавца, захотел подыграть ей, тем более что она ему очень понравилась.

Так у Клен появилась возможность иметь все сумки мира, которые не определяли ни его отношения к ней, ни ее к нему. Вещи стали поводом для их взаимодействия, а любовь случилась сама, и никто ее не покупал и не продавал.

Мы все проходим жизненный путь по-разному. Каждый из нас может оказаться в той или иной ситуации, и это нормально. Бывает, что пути расходятся. Кому-то нужно вернуться назад и исправить то, что натворили или не доделали. И это тоже нормально, это их рост.

Страшно только тогда, когда тот, кому нужно вернуться назад, тянет за собой человека, выросшего и полноценно дошедшего до того места, где они встретились.

Все мы друг для друга попутчики, и все, что у нас есть, — это наша жизнь. Деньги и вещи на нашем пути позволяют более качественно его проходить, и только. Человечность все же заключается в любви и чувственности, которую может себе позволить каждый, кому вполне достаточно того, что у него есть, и он не испытывает злости и раздражения по это-

му поводу.

И если бы вы беседовали в этот момент с Велен, она бы сказала:

— Нет смысла злиться из-за того, чего нет, если не ценить то, что есть.

Похороны мечты

— Другая реальность, она такая, ну, как объяснить... я там тоже другой. А такой, какой я есть, ну, в обычной жизни, когда я не играю, я себе не очень нравлюсь, — запутанно и витиевато, сам еле улавливая суть, говорил Брэд, сидящий напротив Велен. — Ну, то есть, я себе нравлюсь, я знаю, что я очень хорош. Но мне кажется, что если все узнают, какой я, то меня не поймут... Да мне и все равно.

Он зашел в кабинет спокойно и уверенно. Но вся его уверенность испарилась, как только он начал излагать свои мысли. Он пришел, потому что так было нужно, ему посоветовала сходить к Велен его мама, так как ей самой эти визиты очень помогли.

С его приходом не произошло ничего. Не открылось никакого невообразимого пространства, кабинет остался в прежнем состоянии, что даже немного удивило саму Велен. Но послушав его несколько минут, она поняла, в чем дело.

— Может, чашечку кофе? — перебила она его, как ему показалось, в самый неподходящий момент, что сильно его разозлило. — Ты любишь кофе?

— Я вроде как не кофе пришел пить, — постаравшись сдержать свое негодование, проговорил он сквозь зубы. — Кофе я и в кафе могу попить.

— А ты часто пьешь кофе в кафе? — не обращая внимание на растущую у него раздражительность и тяжело скрывающую злость, продолжила спокойно задавать вопросы Велен.

— Нет, да какая разница, причем тут кофе и кафе, в конце концов? — повысил он тон. — Мне сказали, что вы профессионал своего дела и поможете мне решить мои проблемы, я пришел за этим.

— Я не смогу тебе помочь, Брэд. — Она не торопясь сделала глоток кофе и поставила чашку перед собой на журнальный столик. — Поэтому можешь расслабиться и просто попить кофе.

— Что за наглость! — Он вскочил с кресла и стал метаться ко кабинету. — Да что вы себе позволяете! У меня и проблем-то таких нет, чтобы их нельзя было решить, я просто пришел, потому что мама сказала, что мне это поможет! — Он взглянул на Велен, которая продолжала спокойно пить кофе и наблюдать за ним, пока он не застыл. — А в чем мне нужна помощь, я, в общем-то, и сам не знаю.

— Все-таки кофе? — протянула она ему только что появившуюся у нее в руках чашку кофе и предложила вновь присесть.

— Да, пожалуй, уже не откажусь. — Как будто очнувшись от наваждения, он вдруг почувствовал аромат вкусного, только что сваренного кофе. — Очень вкусно пахнет, спасибо.

— Давно так? — задала вопрос Велен, вроде бы совер-

шенно невпопад.

— Да, сколько себя помню, — не понимая, о чем говорит, произнес Брэд, чувствуя только, что это правда.

Вдруг пространство вокруг поменялось, перезагрузилось, как в игре, в которую он всю жизнь уходил с головой, пытаюсь стать кем-то, кем и не собирался становиться в реальности.

— Где мы? — вцепившись в кресло и в панике озираясь вокруг, спросил он.

— Не мы, а ты, — послышался голос Велен откуда-то издалека. — Здесь ты будешь один, ты же все сам можешь, правда?

— Да, могу, — ответил Брэд и встал с кресла, которое тут же исчезло. — Так где я?

— Там, где ты можешь задавать свою жизнь сам, — голос Велен все удалялся, и слова были уже едва различимы. — Это твой мир...

— Так тут ничего нет, — пытаюсь хоть что-то разглядеть вокруг, произнес он, снова начиная злиться. — Тут совершенно пусто! Вы здесь?

Не получив ответа, Брэд растерялся и повысил голос:

— Все, я все понял! Я ничего не создал, и в моем мире ничего нет, я понял, я не тупой, — он пытался докричаться до Велен, но у него ничего не получалось. — Заканчивайте этот спектакль, уже не смешно, я вообще-то деньги заплатил, так нельзя, я же клиент! Твою мать! — начал он ругаться, —

Вот я попал, ну чего дома не сиделось, блин! Так и знал, что фигня какая-нибудь будет!

Если бы рядом было, что сломать в этот момент, он обязательно бы это сделал.

— Ладно, подожду, когда-нибудь же это закончится. Прием, по-моему, полтора часа длится, ну вот и посмотрим кто кого, — он сел на пол и стал ждать. — Посплю пока.

И он уснул. Это было несложно, ведь его здесь ничего не отвлекало, потому что в этом пространстве ничего и не было. Он был прав, этот мир являлся проекцией того, что он создал в своей жизни, то есть ничего. Светлое пространство, как чистый лист, ждало своего создателя, но он то спал, то летал где-то в других мирах, то ждал, пока ему предложат что-то готовое, из чего он сможет повибирать.

Через какое-то время, он проснулся. Потянувшись и открыв глаза, Брэд вспомнил, где он.

— Странно, — подумал он и тут же взглянул на часы на руке. — Время два часа дня и пятнадцать минут. Кажется, именно на это время у меня была назначена сессия, — немного подумав, он начал осознавать, — значит время здесь переждать не получится, оно здесь не идет. Умно! Хорошо, ну и какие здесь еще уловки, какие правила? — задал он вопрос в пустоту, потому что ему никто так и не ответил.

Для него шло время, но только для него. Прошло столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы довести себя сначала до паники, а потом до истерики и полного изнемо-

жения.

— Пришел к психологу, а заработал паническую атаку. Все, хватит! Я на вас в суд подам, я буду жаловаться, выпустите меня!

Он злился, кричал, но ничего не менялось.

— Ладно, простите пожалуйста, я много тут наговорил, мы можем закончить сессию, я никому ничего не скажу, просто уйду в свою прекрасную жизнь и забуду все это, как страшный сон.

Ничего не происходило.

— Так, стоп, я понял, мне это просто снится, ведь такого просто быть не может, верно? — он вздохнул с облегчением, приняв это предположение как единственно верное. — Это просто осознанный сон, в котором я все чувствую, могу создавать и управлять реальностью во сне, как наяву. Я же смотрел об этом видео в интернете.

Он потерял руки в предвкушении шоу, которое он сейчас сотворит.

— Ну что, тогда начнем! Так, я дома, — сказал он, но вместо того, чтобы увидеть свою комнату, он лишь вдалеке смог разглядеть, как ему показалось, свой силуэт. — Так это же я сижу за компьютерным столом и играю.

Через мгновение он уже находился в своей комнате, рядом с тем собой, который играл..

— Эй, ты меня слышишь? — обратился он сам к себе, но тот ему ничего не ответил. — Ну да, ты занят, вряд ли

обратишь на меня внимание, я бы не обратил. Ладно, тогда я сейчас нахожусь дома со своей девушкой.

И вот он уже наблюдает со стороны за тем, как другой он обнимает и целует его девушку, и они прекрасно проводят время.

— Да, я помню этот момент, но это все прошлое, я хочу увидеть свое будущее и участвовать в нем, а не наблюдать... Так, снова пустота. Что это значит? — он задавал вопросы в надежде на то, что на них кто-нибудь все же ответит. — Будущее тут не показывают? Ладно, давай так, я в настоящем выбираюсь отсюда, как в сказке про джинна. — После этих слов он увидел себя в этой пустоте. — Эй, ты меня слышишь, видишь?

— Да, вижу, — ответил ему его образ, стоящий напротив. — И слышу.

— Ну и чего? — с подозрением Брэд смотрел на совершенно спокойного молодого человека, очень похожего на него. — Как выбираться-то отсюда будем?

— Ну, не знаю, мне и тут хорошо, — развел руками этот молодой человек. — Не надо ничего решать, нет никаких проблем, да и вообще делать ничего не надо.

— А зачем ты мне тогда? — разочарованно спросил Брэд.

— Поговорить, порассуждать о том о сем, наверно, — совершенно равнодушно ответил он. — Сам решай, ты ж меня придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.